

ПРАВО И КУЛЬТУРА

УДК 340.154

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ. К ВОРОВСТВУ КАК ЭЛЕМЕНТУ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ (по материалам анекдотов)

А.А. Демичев

Аннотация

В статье на основе дореволюционных юридических анекдотов анализируется отношение российских правителей XVIII – первой половины XIX вв. к воровству как элементу повседневной жизни.

Ключевые слова: дореволюционный юридический анекдот, воровство, повседневная жизнь.

Когда одного из известных российских государственных деятелей XIX в. спросили: «Как Вы можете охарактеризовать положение дел в России?», он сказал в ответ одно-единственное слово: «Воруют».

Воровство, в том числе и в гигантских масштабах, конечно, не является «привилегией» россиян, однако в нашей стране исторически сложилось весьма специфическое отношение к этому преступному деянию. Кража уже в течение многих веков стала обыденным явлением, своеобразным элементом повседневной жизни. Именно в этом и состоит одно из отличий российского менталитета от менталитета населения других стран.

Специфика правосознания населения, его ментальности в целом реконструируется, в первую очередь, на основе таких исторических источников, как фольклор, документы личного происхождения, художественная литература. Ведущая роль в этом комплексе принадлежит различным жанрам фольклора. Главная особенность его состоит в том, что фольклорные произведения анонимны, их рождение и развитие практически неподконтрольны власти. Именно по этой причине фольклорные произведения позволяют охарактеризовать особенности мироощущения населения соответствующей эпохи.

Конечно, мы не претендуем на изучение всего комплекса произведений российского фольклора и реконструирования на этой базе менталитета населения. Наша задача значительно скромнее – на основе анализа дореволюционных

анекдотов выявить отношение российских правителей XVIII – первой половины XIX вв. к такому явлению жизни, как воровство.

В данной статье нами использованы анекдоты, позволяющие выявить отношение Петра I, Екатерины II, Николая I к воровству.

Все приведенные в работе истории (в том числе и о Петре I) возникли в качестве анекдотов во второй половине XVIII – начале XIX вв. и были опубликованы в различных изданиях XIX в. Кстати, термин «анекдот» в XVIII – первой половине XIX вв. имел несколько иное значение, нежели в настоящее время.

Достаточно емкое определение было дано анекдоту известным дореволюционным филологом академиком А.В. Никитенко. Он полагал, что анекдотом можно считать: «1) краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, новости или неожиданности и проч.; 2) любопытную черту в характере или жизни известного исторического лица и 3) случай, подавший повод к остроумному замечанию или изречению» [1, с. 303].

В современном «Словаре иностранных слов» анекдот определяется как «1) рассказ о забавном или поучительном случае из жизни исторического лица или фольклорного героя; 2) краткий устный шуточный рассказ с остроумной концовкой» [2, с. 38].

Перейдем к анализу анекдотов, позволяющих выявить отношение российских правителей XVIII – первой половины XIX вв. к воровству.

Анекдот № 1 [3, с. 568]. Государь [Петр I], заседая однажды в Сенате и слушая дела о различных воровствах, за несколько дней до того случившихся, в гневе своем клялся пресечь оные и тотчас сказал тогдашнему генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому: «Сейчас напиши от моего имени указ во все государство такого содержания: что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, тот без дальнейшего следствия повешен будет». Генерал-прокурор, выслушав строгое повеление, взялся было уже за перо, но несколько поудержавшись, отвечал монарху: «Подумайте, Ваше Величество, какие следствия будет иметь такой указ?» – «Пиши, – прервал государь, – что я тебе приказал». Ягужинский все еще не писал и, наконец, с улыбкой сказал монарху: «Всемиловитейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». Государь, погруженный в свои мысли, услышав такой забавный ответ, рассмеялся и замолчал.

Анекдот № 1 свидетельствует, что в эпоху Петровских преобразований воровство не только имело место, но с ним пытались активно бороться, в том числе и на высшем государственном уровне. Петр I лично «слушал» дела такого рода в Сенате, и они вызывали у него справедливое негодование. Импульсивный правитель тут же требует ввести жесткие меры по отношению к ворам (вешать всех, кто украдет на сумму больше стоимости веревки). Однако более реалистично мыслящий генерал-прокурор П.И. Ягужинский в шуточной форме переубеждает царя, говоря: «Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». А ведь, по сути, из уст высокого сановника прозвучало, конечно, не собственное признание в кражах, но констатация факта массового воровства среди чиновничества.

И каков же в итоге получился результат праведного порыва правителя? Никакой! Петр I принял аргументы генерал прокурора, рассмеялся, замолчал и больше не ставил вопрос подобным образом, борясь в дальнейшем с отдельными преступниками, но не системой в целом.

В период правления Екатерины II воровство имело место даже в царском дворце, причем воровали и придворные, и прислуга. Императрица об этом знала, но ничего не могла сделать.

Анекдот № 2 [4, с. 157]. Гуляя по саду, императрица [Екатерина II] заметила, что лакеи несут из дворца на фарфоровых блюдах персики, ананасы и виноград. Чтобы не встречаться с ними, Екатерина повернула в сторону, сказав окружающим:

– Хоть бы блюда мне оставили!

Анекдот № 3 [5, с. 41–42]. Екатерина [II] знала, что низшие чины и вся придворная прислуга пользовались непозволительною поживою, особенно в съестном и напитках. Она даже нередко видела своими глазами, во время утренних прогулок, как служители ее тащили из дворца огромные подносы, нагруженные всякой всячиной, и однажды сказала М.С. Перекусихиной:

– Хоть бы фарфор мой сберегли!

А в другой раз, столкнувшись, так сказать, с этими подносами, сказала несшим их:

– Ну, беда вам будет, если увидит это Торсуков [гофмаршал]!

– Спит еще, матушка-государыня! – был их ответ.

Анекдоты № 2 и 3 основываются на одних и тех же, по-видимому многочисленных, фактах.

Для нас представляет интерес реакция Екатерины. Императрица не пылает гневом, не пытается наказать виновных, хотя факт воровства ей очень неприятен (не зря она сворачивает в сторону, не желая встречаться с этими людьми!). Возможно, над ней довлел сформировавшийся образ доброй Матушки-императрицы (кроме того, как-никак, она женщина), но, скорее всего, ее мягкость и спокойное, с юмором, отношение к происходящему обуславливались бессилием что-либо изменить.

Анекдот № 4 [6, с. 25]. Смотря в окно из Эрмитажа, Екатерина [II] заметила, что из кухни отважные шалуны раннею порою нагружали на телегу съестные припасы, надеясь, что в такое время шалость сойдет им с рук. У русских государей глаза зоркие, а сердца милосердные.

Екатерина тотчас послала сказать: «Съезжайте скорее, а то гофмаршал увидит, то вам худо будет».

Такой урок стоит наказания.

В анекдоте № 4, так же как и в анекдоте № 3, мы вновь сталкиваемся с констатацией своеобразной заботы Екатерины о подданных («Ну, беда вам будет, если увидит это Торсуков [гофмаршал]!», «Съезжайте скорее, а то гофмаршал увидит, то вам худо будет»). Такое отношение можно рассматривать не только как попустительство, но и как потакание воровству. Екатерина рассматривала воровство из своего дворца как «шалость», а воришек – как «шалунов».

Очень показательны в данном анекдоте отношение его авторов и рассказчиков к реакции императрицы на происходящее: «У русских государей глаза

зоркие, а сердца милосердные». Другими словами, Екатерина должна была укладываться и укладывалась в эту концепцию восприятия ее подданными.

Сюжет со «злым» обер-гофмаршалом и «доброй» императрицей вновь повторяется в анекдоте № 5 и 6.

Анекдот № 5 [7, с. 14]. Однажды в Царском селе императрица [Екатерина II], проснувшись ранее обыкновенного, вышла на дворцовую галерею подышать свежим воздухом и увидела у подъезда нескольких придворных служителей, которые поспешно нагружали телегу казенными съестными припасами. Екатерина долго смотрела на эту работу, не замечаемая служителями, наконец крикнула, чтобы кто-нибудь из них подошел к ней. Воры оторопели и не знали, что делать. Императрица повторила зов, и тогда один из служителей явился к ней в величайшем смущении и страхе.

– Что вы делаете? – спросила Екатерина. – Вы, кажется, нагружаете вашу телегу казенными припасами?

– Виноваты, Ваше Величество, – отвечал служитель, падая перед ней в ноги.

– Чтобы это было в последний раз, – сказала Императрица, – а теперь уезжайте скорее, иначе вас увидит обер-гофмаршал, и вам жестоко достанется от него.

Стоит отметить, что не во всех случаях Екатерина игнорировала происходящие кражи. Так, в приведенном выше анекдоте она не выдерживает и требует ответа от воров. Однако, несмотря на «Чтобы это было в последний раз!», преступники уходят безнаказанными, более того, с воспоминанием о доброй правительнице и осознанием, что воровать можно и дальше.

Подобное ощущение складывается и при прочтении анекдота № 6.

Анекдот № 6 [8, с. 69]. На звон колокольчика Екатерины [II] никто не явился из ее прислуги. Она идет из кабинета в уборную и далее, и, наконец, в одной из задних комнат видит, что истопник усердно увязывает толстый узел. Увидев императрицу, он оробел и упал на колене.

– Что такое? – спросила она.

– Простите меня, Ваше Величество.

– Да что же такое ты сделал?

– Да вот, матушка-государыня, чемодан-то набил всяким добром из дворца Вашего Величества. Тут есть и жаркое, и пирожные, несколько бутылок пивца и несколько фунтиков конфет для моих ребятишек. Я отдежурил мою неделю и теперь отправляюсь домой.

– Да где ж ты хочешь выйти?

– Да вот здесь, по этой лестнице.

– Нет, здесь не ходи, тут встретит тебя обер-гофмаршал [Григорий Николаевич Орлов], и я боюсь, что детям твоим ничего не достанется. Возьми-ка свой узел и иди за мною.

Она вывела его через залы на другую лестницу, и сама отворила дверь:

– Ну, теперь с Богом!

В приведенном выше анекдоте в очередной раз встречается сюжет о «злом» обер-гофмаршале (на сей раз уже не Торсукове, а Орлове) и «доброй» Екатери-

не. Кстати, ни в одной из историй гофмаршал не является действующим лицом, он лишь упоминается в качестве своеобразного пугала.

Обратим внимание, что в это раз Екатерина заходит еще дальше, чем во всех предыдущих историях: она не игнорирует воришку, не делает ему назиданий, а содействует преступнику, выводя его из дворца безопасным для него путем.

Следует отметить, что не во всех случаях Екатерина так спокойно относилась к воровству. В анекдоте № 7 мы встречаемся с несколько иной ее реакцией.

Анекдот № 7 [8, с. 42–43]. Однажды императрица [Екатерина II], пробегаая представленные ей отчеты дворских расходов, увидела в них, между прочим, что пудры для ее головы ежедневно выходит целый пуд. Она улыбнулась и вот что сделала: на другой день по окончании туалета, вышла в приемную залу молча и поддерживая свою голову рукою – придворные дамы, ожидавшие ее в этой зале встревожились и, полагая, что это головная боль, шепнули одной фрейлине, милой и веселой, которую государыня любила, чтобы она постаралась как-нибудь развеселить ее. Эта, после разных умных и веселых приветствий, облаканная уже державною рукою безмолвной государыни, осмелилась излить свое сетование о нездоровье повелительницы всей России.

– Нет, моя милая, – сказала, наконец, императрица, – я, слава Богу, здорова, но, посуди, каково мне: ведь целый пуд пудры мне посыпали на голову.

Это был последний пуд. С этих пор он никогда не встречался в придворных отчетах.

Итак, Екатерина в данном случае не стала терпеть кражу. Возможно, здесь имел значение объект воровства – пудра, которая являлась важным элементом «наведения женской красоты» в то время. И здесь сыграли роль гендерные аспекты – женщина-императрица не стала мириться с посягательством на свою косметику.

В данном случае «урок» Екатерины привел к положительному результату: воровство пудры подобным способом прекратилось, но виновные опять-таки не были наказаны, и порочная система не была сломана.

Из анекдотов о Екатерине II трудно сделать вывод, переживала ли императрица из-за массового воровства, имевшего место в России в целом и в ее дворце в частности (как мы видели ранее, у Петра I реакция на воровство была резко негативная). Однако правнука Екатерины – Николая I – проблема воровства в России волновала.

Анекдот № 8 [9, с. 623]. Во время Крымской войны государь [Николай I], возмущенный всюду обнаружившимся хищением, в разговоре с наследником [будущим Александром II] выразился так:

– Мне кажется, что во всей России только ты да я не ворует.

Как видно из анекдота № 8, Николая I волнует ситуация в стране, он искренне переживает за происходящее, но при этом ничего не может сделать и не пытается предпринять какие-то практические шаги в этом направлении.

Подводя итоги нашей работы, можно сделать следующие выводы.

Российские императоры XVIII – первой половины XIX вв. знали про остро стоящую проблему воровства в стране, однако воспринимали ее как проявление особенностей национальной психологии своих подданных (а бороться с

народом – невозможно и бессмысленно), ставшее, к сожалению, элементом повседневной жизни разных слоев общества.

В зависимости от половой принадлежности российские правители по-разному реагировали на воровство. Так, Екатерина II предпочитала выступать в качестве доброй матушки-императрицы, ограничиваясь в редких случаях беззлобным «Чтобы это было в последний раз!» и предпринимая какие-то действия лишь тогда, когда речь заходила о «женских штучках». При этом не совсем ясно, волновала ли Екатерину ситуация с массовым воровством в стране в целом. Напротив, Петр I и Николай I прекрасно осознавали всю сложность проблемы, но ничего, так же как и Екатерина, не могли сделать.

Summary

A.A. Demichev. The Attitude of Russian Rulers of 18th – First Half of 19th Century to Stealing as an Element of Everyday Life (on the Base of Anecdotes).

The article views the attitude of Russian rulers of 18th – first half of 19th century to stealing as an element of everyday life on the base of pre-revolutionary juridical anecdotes.

Key words: pre-revolutionary juridical anecdote, stealing, every-day life.

Литература

1. *Никитенко А.В.* Анекдот // Энциклопедический лексикон. – СПб., 1835. – Т. 2. – 303 с.
2. Словарь иностранных слов. – М.: Наука, 1982. – 380 с.
3. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. – СПб., 1847. – Ч. 3. – 368 с.
4. *Вейдемейер А.И.* Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. – СПб., 1842. – Ч. 2. – 157 с.
5. Исторические анекдоты из жизни русских государей. – СПб.: Тип. М.А. Хана, 1880. – 410 с.
6. Новое собрание русских анекдотов или прибавление к пяти частям русских анекдотов, изданных Сергеем Глинкою. – М., 1829. – 250 с.
7. Подлинные анекдоты Екатерины Великой. – М., 1806. – 140 с.
8. Черты из жизни Екатерины II // Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 1.
9. *Бутковская А.Я.* Рассказы бабушки // Ист. вестн. – 1884. – Т. 18, № 12. – С. 594–631.

Поступила в редакцию
20.02.08

Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, профессор Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород.